OUKA
Osaka University Knowledge Archive

Title	К. А. Харнский как публицист
Author(s)	Дыбовский, А. С.
Citation	言語文化研究. 2012, 38, p. 93-112
Version Type	VoR
URL	https://doi.org/10.18910/24694
rights	
Note	

Osaka University Knowledge Archive : OUKA

https://ir.library.osaka-u.ac.jp/

Osaka University

К. А. Харнский как публицист

А. С. Дыбовский

時評家としてのK. A. Harnsky

A.ディボフスキー

要旨：本稿は，国立極東大学教授・ソ連科学アカデミー極東支部の研究員であり，ロシアの優れた東洋学者である K. A. Harnsky（1884-1938）が社会政治評論家として 1920 年代に『赤旗』という極東ロシアの地方新聞に発表した記事のテキストを分析し，このジャーナリズム的活躍と K. A. Harnsky 著書『過去と現在における日本』（1926 年，ウラジオストク出版，411 ページ）との関連性を考察するものである。新聞記事と上記著書における K. A. Harnskiy の弁論術的技法や文章のスタイルの特殊性を明らかにし，社会政治評論家としての K.A.Harnsky の活躍が本人の東洋学者及び大学講師としての成立に対し多大な影響を与えたという結論に至る。本稿では，東洋学院在学中（1908-1912），ウラジオストクの実践的東洋学派の方法論を身につけた K. A. Harnsky が極東諸国のステレオタイプ的な描写を克服し，事実に基づくことを目指しつつ，その著書において社会政治評論的な言説のイデオロギー性を脱出しようとせず，I. A. ゴンチャローフ『軍艦パラダ号』（1853）に遡るロシアのジャーナリズムの伝統でもある日本の異変的な描写を回避することもできなかったということも明らかにされている。

Ключевые слова: жизненный путь К.А.Харнского; публицистика К.А.Харнского; язык и стиль К.А.Харнского; риторические приемы К.А.Харнского; экспрессивный синтаксис; принцип «остранения».

Введение

Нельзя сказать, что жизнь и творчество К.А.Харнского представляют собой белое пятно в развитии отечественного востоковедения. Он широко известен как историк стран Дальнего Востока и преподаватель ГДУ (ДВГУ). Высокую оценку среди специалистов получили его книги «Япония в прошлом и настоящем» (1926) и «Китай с древнейших времен до наших дней» (1927). Положительно была оценена Н.И.Конрадом и пропавшая после ареста Константина Андреевича 800-страничная «История Кореи». Однако нам представляется, что деятельность К.А.Харнского в качестве публициста, политического обозревателя и аналитика периодической печати зарубежных стран изучена недостаточно, особенно в плане понимания места и роли Константина Андреевича в раз-

витии отечественного востоковедения. С нашей точки зрения, К.А.Харнский состоялся как ученый и педагог в первую очередь благодаря своей журналистской деятельности. Именно многолетняя упорная и кропотливая аналитическая работа с прессой на восточных и западных языках сделала К.А.Харнского крупным специалистом в области политики и экономики стран Дальнего Востока, знатоком их новейшей истории, а также аналитиком мировой политики в первые четыре десятилетия XX века.

В этой статье мы ставим перед собой цель рассмотреть деятельность К.А.Харнского как публициста и показать, какое влияние эта деятельность оказала на него как педагога и ученого. Материалом для нашего анализа послужили преимущественно публикации К.А.Харнского в газете «Красное Знамя», в которой в 20-е годы XX столетия публиковалось до нескольких десятков его статей в год.

Рассматриваемой нами проблеме посвящены две публикации В.М.Серова. В первой Вадим Михайлович анализирует, как в статьях К.А.Харнского в периодической печати раскрываются проблемы, связанные с политической и экономической обстановкой в Китае и Японии на протяжении примерно 2-х с половиной десятилетий после русской революции.

В вышеупомянутой статье В.М.Серов сообщает читателям, что первые известные нам журналистские работы К.А.Харнского были написаны для журнала «Китай и Япония», издававшегося штабом Приамурского военного округа, в Информационный отдел которого К.А.Харнский был направлен весной 1917 г. после перенесенной в 1916 г. контузии. Отмечается, что эти публикации были посвящены экономике и политике Японии и Китая, что написаны они были доходчивым и точным языком и пользовались популярностью у читателей[1]. Далее указывается, что 1919-1920 гг. статьи К.А.Харнского, посвященные внутренней и внешней политике Японии, иностранной интервенции на советском Дальнем Востоке, а также политико-экономической ситуации в Китае, появляются в газетах «Дальневосточное обозрение» и «Красное Знамя»[2]. В.М.Серов отмечает, что до 1925 г. К.А.Харнский практически «один занимался в «Красном Знамени» проблемами стран Дальнего Востока»[3]; в 1925-1927 гг. он внимательно следил за развитием событий китайской революции и в деталях комментировал на страницах газеты «значение того или иного события в театре военных действий, свободно ориентируясь во всей этой карусели партий, генералов, политических деятелей, идей, направлений, разоблачая закулисную игру иностранных империалистов в период китайской революции»[4]. Проанализировав большое количество публикаций К.А.Харнского, В.М.Серов приходит к выводу о том, что в статьях Харнского «дается глубокий анализ положения в Японии и Китае»[5], а их автор является обладателем редкого сочетания качеств «талантливого публициста, откликающегося на все более или менее крупные события в международной жизни, и вдумчивого историка-востоковеда, тщательно взвешивающего свои научные вы-

воды»[6]. В другой своей публикации В.М.Серов дает список разысканных газетных и журнальных статей К.А.Харнского, отмечая, что эти статьи, появившиеся в периодических изданиях Дальнего Востока (преимущественно в газете «Красное Знамя») в 1917-1930 гг., «можно условно классифицировать следующим образом: Япония. Экономика, внутренняя политика, японский колониализм, рабочее движение – 75 статей; Китай. Революция 1925-1927 гг. Разные проблемы – 24; Межимпериалистические противоречия – 38; Национальная буржуазия Востока в национально освободительном движении – 5; Буржуазная и пролетарская культура – 10 статей»[7].

В соответствии с идеологическими установками советской эпохи и в контексте борьбы советских востоковедов за восстановление доброго имени К.А.Харнского и легализации его научного наследия для В.М.Серова важно было показать, что статьи К.А.Харнского о Китае и Японии, опубликованные им в периодической печати Дальнего Востока в 1917-1930 гг., написаны с марксистско-ленинских позиций. Для достижения этой цели В.М.Серов приводит большое количество цитат из работ Константина Андреевича, анализирует их с позиций советской исторической науки и показывает их созвучность с идеями советских критиков американской историографии и других работников идеологического фронта. Такой подход позволяет увидеть в К.А.Харнском последовательного марксиста-ленинца, но он недостаточно широк для понимания роли и значения газетных и журнальных публикаций К.А.Харнского в его становлении как ученого, педагога и политического аналитика. Поэтому мы попытаемся взглянуть на работы К.А.Харнского в более широком контексте истории отечественного востоковедения, а также истории отечественного публицистического и научного дискурсов; сопоставим стилистику его газетных и научных публикаций, прибегая к методам сравнительной текстологии и функциональной стилистики.

1. Жизненный путь К.А.Харнского

Как известно[8], К.А.Харнский (1884-1938) родился 31 мая 1884 г. в литовском местечке Кальвария (Сувалкская губ.) в семье профессионального военного. В 10 лет потеряв отца, К.А.Харнский решает связать свою судьбу с военной карьерой и поступает в 3-ий Московский кадетский корпус, где на него большое влияние оказали лекции известного историка Н.А.Рожкова, интересовавшегося марксизмом и на рубеже XIX-XX веков с сочувствием относившегося к РСДРП и левому революционному движению. Военное образование К.А.Харнский продолжает в Михайловском артиллерийском училище.

После окончания училища Константин Андреевич служит в крепости Ковно, где начинает знакомиться с марксистской литературой и вести агитацию среди солдат[9]. В 1907 г. за участие в подпольной марксистской организации его переводят в Забайкалье, в стрелковый полк, под надзор военного начальства[10]. С 1908 по 1912 гг., оставаясь на военной службе в чине штабс-капитана,

К.А.Харнский учится на японском отделении Восточного института, что позволяет ему овладеть китайским, японским и английским языками, в дополнение к немецкому и французскому, которые он знал с детства. В 1912 г. К.А.Харнский командируется в Японию для изучения страны и совершенствования в японском языке, откуда его отзывают в 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны. С октября 1914 г. К.А.Харнский в действующей армии[11] в качестве командира дивизиона тяжелой артиллерии[12]. За отличия в боях награжден орденами[13]. В 1917 г. после тяжелой контузии К.А.Харнский проходит реабилитацию в Хабаровске и получает назначение в Информационный отдел штаба Приамурского военного округа, где начинает сотрудничать с издаваемым штабом журналом «Китай и Япония»[14]. В 1917 г. К.А.Харнский руководит армейской газетой, с энтузиазмом встречает октябрьский переворот[15], в 1918 г. избирается депутатом Хабаровского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. С сент. 1918 по авг. 1920 г. проживает во Владивостоке[16]. Работает сотрудником газеты «Дальняя окраина»[17], переводчиком Дальохраны Омского правительства и штаба оккупационных войск США, затем – помощником начальника разведывательного отделения штаба войск Временного правительства Приморской областной земской управы (последний чин – капитан)[18]. В 1920 г. К.А.Харнский вступает в ВКП(б), ведет подпольную работу в Приморье, издает в Шанхае на английском языке газету о новой России[19]. С авг. 1920 г. работает корреспондентом отделения ДальТА ДВР в Пекине, с марта 1921 г. – заведующим информационным отделом МИД ДВР[20] в Чите, где занимается изданием газеты «Дальневосточный путь» и журнала «Вестник ДВР». В марте-мае 1922 г. работает секретарем миссии ДВР в Китае. В 1922 г. становится заведующим Дальневосточного бюро печати при ЦК РКП(б)[21]. Одним из результатов его политико-просветительской деятельности стала книга «Япония», изданная в Чите в 1923 г.[22]

В 1923 г. К.А.Харнский вступает в должность заведующего кафедрой экономики и политики стран Тихоокеанского бассейна на восточном факультете ДВГУ. В последующие годы К.А.Харнский активно сотрудничает с газетой «Красное Знамя», пишет монографии по истории Японии, Китая и Кореи. Весной 1930 г. становится научным сотрудником Дальневосточного филиала АН СССР, продолжая оставаться профессором восточного факультета ДВГУ по совместительству[23].

В августе 1937 г. К.А.Харнский был арестован по обвинению в том, что «среди преподавателей ДВГУ вел троцкистскую агитацию»[24]. После ареста Н.И.Овидиева, К.П.Феклина, М.Н.Вострикова и других сотрудников кафедры японской филологии в январе 1938 г. (по-видимому, в результате применения следствием незаконных методов дознания[25]) К.А.Харнский признался в принадлежности к «контреволюционной, шпионской вредительской организации»[26] и по сфабрикованному «Делу № 1404 о единой контреволюционной шпионско-вредительской организации, существовав-

шей в ДВ Государственном Университете, входившей в состав право-троцкистского заговора на Дальнем Востоке»[27] 25 апреля 1938 г. решением выездной сессии военной коллегии Верховного суда Союза ССР был приговорен к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение. 2 апреля 1957 г. К.А.Харнский, как и другие обвиняемые по вышеназванному делу, был полностью реабилитирован посмертно[28].

2. Некоторые собенности текстов К.А.Харнского

Большая часть статей, опубликованных К.А.Харнским в периодической печати, глубоко публицистична. В соответствии со словарным определением публицистика (от лат. publicus – общественный) – это «род произведений, посвященных актуальным вопросам и явлениям текущей жизни общества и содержащих фактические данные о различных её сторонах, оценки с точки зрения социального идеала автора, а также представления о путях и способах достижения выдвинутых целей. Содействуя формированию общественного мнения, взглядов, интересов и стремлений людей, влияя на деятельность социальных институтов, публицистика играет важную политическую и идеологическую роль в жизни общества, служит острым оружием идейной борьбы, средством общественного воспитания, агитации и пропаганды, способом организации и передачи социальной информации»[29].

Статьи К.А.Харнского «Алексей Николаевич Луцкий» из сб. «Неравнодушные строки» (1921), «В ночь с 4 на 5 апреля»[30] характеризуют их автора как убежденного сторонника левого движения, полностью принявшего октябрьский переворот. По-видимому, Константин Андреевич усматривал в возникновении «Красной России» проявление исторической закономерности, знаменующей прорыв человечества в новую эру своей истории. «Каждому, изучавшему зачатки политграмоты, известно, что всякое государство, кроме советского, есть орудие капиталистического господства»[31] – пишет он в 1925 г. И в его публикациях в периодической печати, всегда присутствует активная авторская позиция – партийная и классовая. В своих статьях К.А.Харнский демонстрирует знание работ К.Маркса и В.Ленина, К.Радека и Н.Бухарина. Он нередко использует в качестве своего оружия насмешку, иронию и сарказм, пытаясь вызвать у читателя сопереживание. К.А.Харнский сочувствует «японскому труженику»[32] и радуется успехам народно-революционной армии Китая[33], осуждает колониальную политику Японии в Корее и на Формозе[34], клеймит сговор империалистических держав в Китае[35], уличает английского журналиста Джильберта в лицемерии, так как последний не может не «повильсонить», то есть пишет о событиях в Китае, используя изящные речевые эвфемизмы: «интервенция» для него – «необходимые меры с целью защитить жизнь и собственность иностранцев», «расстрел» – «метод необходимой самообороны», «грабеж» – «печальные последствия государственной задолженности» и т.д. [36].

Произведения К.А.Харнского как бы располагаются между двумя полюсами: на одном полюсе – статьи, приближающиеся по своему характеру к политической сатире или фельетону («Мистер Джильберт, журналист», «Христианские мученики»[37], «Новый крупный скандал в Японии»[38]), – это документы большевистской пропаганды с элементами аналитики, по стилю сходные с политическим плакатом Окон РОСТА (в основном, более ранние произведения), на другом полюсе находятся произведения с преобладанием аналитики (чаще более поздние произведения); в них К.А.Харнской обычно выступает как историк, политический обозреватель, популяризатор знаний о дальневосточной и мировой политике.

Для К.А.Харнского как марксиста ключом к пониманию внутренней и внешней политики того или иного государства служат материальный базис общества и экономические интересы представителей того или иного класса. Поэтому Константин Андреевич постоянно следит за экономикой соответствующих стран, внимательно анализируя информацию о развитии их сельского хозяйства и промышленности, о зарплатах, ценах, уровне безработицы, экспорте и импорте, демографии, миграции населения и проч., не упуская из виду вопросов политики и права.

Многие работы К.А.Харнского представляют собой газетные публикации, являющиеся откликом на какое-то актуальное (политическое, военное, экономическое) событие, но имеются и пространные многоаспектные исследования типа «Тайных обществ в Китае» (1927), которые близки по своей форме к научной статье и в которых можно заметить только элементы публицистичности.

В текстах К.А.Харнского имеет место классовая непримиримость, но в них полностью отсутствуют националистические предрассудки, проявлявшиеся в выражениях типа «желтая угроза», «желтая интервенщина», «ненавистная японщина» и проч., широко представленных в публицистике соответствующей эпохи[39]. Как человеку военному К.А.Харнскому особенно удавались наблюдения над театром военных действий в Китае. В публикациях об этом, как правило, проявляется блестящее знание К.А.Харнским географии и дается безукоризненный военно-стратегический анализ ситуации.

В статье о К.А.Харнском, опубликованной в журнале «Народы Азии и Африки» в 1986 г., Г.И.Подпалова пишет о том, что ознакомление с газетными публикациями К.А.Харнского дает нам наглядное представление о том, «как развивалось и крепло его марксистское мышление...»[40], а его книги «Япония в прошлом и настоящем» и «Китай с древнейших времен до наших дней» называет «одними из первых марксистских работ»[41] в отечественном востоковедении[42]. Действительно, для К.А.Харнского, по-видимому, были очень важны еще в юности воспринятые от Н.А.Рожкова идеи материалистического понимания истории, а также кантианские идеи универсальности мира. Он был человеком своего времени, и в его творчестве можно заметить большевистское видение революционного преобразования мира и построения коммунистического общества. Например,

рассуждая о проблеме уничтожения лесов на планете в статье «Полукультура и природа», К. А. Харнский пишет: «Истинная культура возможна будет только в коммунистическом обществе. – Не раньше. До сих пор мы имели примеры только полукультуры»[43]. И далее, в заключение статьи: «Лесосохранение, лесонасаждение, создание правильного лесного хозяйства должно стать одной из наших главных задач. До сих пор Россия была в этом отношении хуже всех. Но мы, граждане социалистического союза, не имеем права быть в хвосте. Мы обязаны хоть немного приблизиться к состоянию культурности»[44].

В статье «О танцульках и катехизисе»[45] К.А.Харнский выступает против мещанства (по К.А.Харнскому «это то, что делает человека торгашом, который рассматривает каждый свой поступок под углом зрения купли-продажи...»[46]) и влияния буржуазной культуры и идеологии, которому Дальний Восток, по его мнению, был подвержен в большей степени, чем центральные районы страны в результате близости Харбина и последствий иностранной интервенции в годы гражданской войны.

Будучи убежденным сторонником марксистской теории и непосредственным участником революционных событий в России, К.А.Харнский страстно верил в мировую революцию. Логику всемирной истории начала XX века К.А.Харнский видел в противоборстве между классом пролетариев и силами мирового империализма, стремящегося сохранить и упрочить свое господство, он ощущал себя человеком, живущим в эпоху мировой пролетарской революции.

Поэтому и в политической жизни Японии в 1920-е гг. он обнаруживал наличие тех же тенденций социальной динамики, что и в России. «Мир изменяется стремительно. Стремительно изменяется и наша соседка Япония. И кто знает, – может и пары годов не пройдет до того времени, когда Япония из дальневосточного жандарма превратится в дальневосточного красноармейца?»[47] – пишет он в мае 1924 г., анализируя объективные и субъективные предпосылки революции в Японии.

В начавшихся вскоре революционных событиях в Китае он усматривал признаки мировой революции: «...китайская революция протекает в тот период, когда о мировой революции рабочего класса следует говорить уже не как о надвигающейся, а как о происходящей в действительности, как о развертывающейся на наших глазах. ... восстания на Яве и Суматре, борьба в далекой Никарагуа, события в Марокко, Судане и Сирии и, наконец, несомненный и решительный наш переход от восстановления нашего народного хозяйства к расширению и развитию его – другие стороны той же революции, революции против империализма»[48].

Размышляя о проблемах, связанных с Японией и Китаем в газетных публикациях К.А.Харнского, В.М.Серов указывает, что в своей «деятельности ученого, журналиста и педагога К.А.Харнский последовательно проводил в жизнь принцип научного анализа фактов истории, экономики, политики изучаемых им стран, критического отношения к источникам и научным исследованиям...»[49],

а заканчивает вышеуказанную статью фразой о том, что «многие из публицистических статей К.А.Харнского могут служить образцом пропаганды (Здесь и далее подчеркнуто мною – А.Д.) знаний о Востоке среди широкого круга читателей»[50]. Тем самым, незаметно для себя, В.М.Серов обнаруживает яркую особенность многих газетных текстов К.А.Харнского: в них высокая идеологизированность пропагандистского большевистского дискурса сочетается с беспристрастным анализом фактов; стремление быть понятным читателю в описании чужеродных явлений ищет компромисса с терминологической точностью. В итоге «проблема ДУЦЗЮНата (военные клики в Китае в 1916-1928 гг. – А.Д.)» становится проблемой «китайской семеновщины»[51], в японской политике обнаруживаются «японские «керенские»» и «японские «кадеты»»; «эсдеки» и «эсдековские партии»[52], «коммунисты» и «комсомольцы»[53], а в географическом очерке Японии К.А.Харнского Осака фигурирует под названием «японский Манчестер»[54]. Такое описание реалий восточной культуры при помощи сходных российских или европейских (нередко связанных с газетными штампами) – не что иное, как характерный для К.А.Харнского публицистический прием (Подробнее см. в разделе 4) .

В текстах К.А.Харнского можно заметить еще один традиционный подход к описанию восточных обществ, часто встречающийся в дневниках и заметках путешественников о причудах заморской жизни. Это порождение текста с акцентом на восточной экзотике. В этом отношении характерно введение книги «Япония в прошлом и настоящем». Вот как оно начинается:

«Владивосток – рубеж русской земли. Дальше, – там, за окутанным голубым туманом островом Аскольдом, – открытое море, самое голубое из наших морей. А в 36 часах от него – совсем иной мир, – странный, непонятный, абсолютно чуждый по внешности, точно враждебный, но все же местами прекрасный, как фантазия художника» [55]. И далее:

«Как мало окружающее похоже на то, что мы привыкли называть словом природа. Кругом – декорация. Кругом ненастоящее что-то. Как-то чересчур уж ярки цвета, слишком блестящи листья, слишком велики полевые цветы, все как-то излишне подчеркнуто, преувеличено. ... Из-за сосен видны дома – не дома, а что-то театральное, - тоже какое-то ненастоящее. У них странно загнуты крыши и нет ни дверей, ни окон, ни крылечек, и вы не знаете, дом ли это, беседка ли, или амбар. За домами зеленые горы и рисовые болота-поля» ... «Вам все ново, все чуждо и все вызывает недоумение. А за вами бегут ребятишки и показывают на вас пальцами: вы в роли заморского чуда... Вы выходец с другой планеты»[56].

Нетрудно заметить связь этих поэтичных строк с иллюстрацией «Чудища-иностранцы» из книги Е.Г.Спальвина «Япония: взгляд состороны»[57], выполненной А.Лейфертом, а также с первыми впечатлениями от японских реалий, увиденных И.А.Гончаровым на рейде в Нагасаки с борта фрегата «Палада» во время кругосветного путешествия последнего под командованием адмирала

Е.В.Путятина: «...Наконец вошли и на второй рейд на указанное место. Что это такое? декорации или действительность? какая местность! Близкие и дальние холмы, один другого зеленее, покрытые кедровником и множеством других деревьев – нельзя разглядеть каких, толпятся амфитеатром один над другим...»[58]. И на следующей странице: «Декорация бухты, рейда со множеством лодок, странного города, с кучей сереньких домов, пролив с холмами, эта зелень, яркая на близких, бледная на дальних холмах, все так гармонично, живописно, так непохоже на действительность, что сомневаешься, не нарисован ли весь этот вид, не взят ли целиком из волшебного балета?»[59]

Как видим, в вышеприведенных фрагментах текста К.А.Харнского описание японской экзотики имеет черты сходства с восприятием последней в известном произведении И.А.Гончарова. Такое восприятие Японии по принципу «остранения» (В.Шкловский) было характерно для работ многих европейских путешественников. Оно существовало в советском востоковедении благодаря публикациям В.Овчинникова, В.Цветова и других адептов теории уникальности японцев и продолжает эксплуатироваться в современной российской журналистике, ср.: «Вся верхушка Японии чем-то смахивает на Фукусиму. Разброд и шатания поразили партийных вождей, как либерал-..., так и просто демократических. Весьма обманчиво и лукаво звучат эти европейские наименования в таинственной азиатской стране, больше похожей на другую планету, где и дышат по-своему, как-будто вместо кислорода используют, например, азот»[60].

Отдавая таким образом дань литературной традиции и нередко прибегая к штампам газетной риторики и публичной пропаганды, К.А.Харнский, тем не менее, в своем творчестве стремился использовать такие подходы к описанию реалий стран Дальнего Востока, которые позволили бы ему уйти от мифов и стереотипов и встать на почву фактов и строгого анализа имеющихся экономических, политических, социальных, культурных и других объективных данных по изучаемой проблеме.

3. Об истоках методологии К.А.Харнского

Как профессиональный востоковед К.А.Харнский является ярким представителем Владивостокской практической школы отечественного востоковедения, которая сформировалась благодаря усилиям коллектива преподавателей Восточного института (далее – ВИ) и методология которой была унаследована восточным факультетом ГДУ, несмотря на неоднократные попытки реорганизации последнего (1922-1923, 1930-1931 гг.) в связи с практическими потребностями края и зигзагами в политике строительства высшей школы на советском Дальнем Востоке. Особенности Владивостокской практической школы востоковедения, призванной соединить изучение стран Дальнего Востока с осуществлением имперской политики России в Азии, были следствием задач, поставленных перед ВИ с момента его создания и впервые сформулированных в его уставных

документах. За 20 лет существования ВИ они конкретизировались, детализировалиь и уточнялись на заседаниях высшего органа ВИ – Конференции, а также в работах его первого директора А.М.Позднеева и других сотрудников института. Задачи ВИ, говоря вкратце, сводились к следующему: 1) готовить лиц, пригодных к работе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточно-азиатской России и прилежащих к ней государств и знающих наряду с восточными языками экономику, право, этнографию, политику, особенности быта и торгово-производственной деятельности сопредельных азиатских государств; 2) с целью продвижения «русского дела» в Восточной Азии внести в традиционное востоковедение, концентрирующее свое внимание на изучении исторических и литературных памятников, «живую струю практики» (А.М.Позднеев), сделать ВИ центром получения и распространения объективных сведений о странах Дальнего Востока; 3) концентрировать научные исследования, связанные с практическими задачами расширения влияния и мощи Российской империи, на изучении современного состояния дальневосточных соседей России (Китая, Японии, Кореи, Монголии и т.д.); 4) преподавать живые языки во всем многообразии их речевых стилей и жанров, чтобы обучаемые могли свободно пользоваться ими на практике[61].

Наряду с исследовательскими экспедициями и ознакомительными поездками в изучаемые страны важным методом исследовательской работы преподавателей и студентов ВИ стало изучение новейшей информации, касающейся восточноазиатских соседей России, по мировой периодической печати на европейских и восточных языках. Пристальное внимание к зарубежной периодике проявилось уже в информационном сборнике «Летопись Дальнего Востока», издававшемся ВИ в 1900-1904 гг.

По указанным причинам ВИ с первых лет своего существования выписывал основные периодические издания на восточных и европейских языках, связанные с политической и экономической ситуацией в Азии, и К.А.Харнский, с 1908 г. связавший свою судьбу с ВИ, находился в среде востоковедов, призванных самым внимательным образом знакомиться со всей доступной им периодической литературой и держать руку на пульсе развития сопредельных с Россией государств, не упуская из виду и политику ведущих мировых держав.

Первоначально подготовка офицеров в ВИ практически не отличалась от подготовки прочих студентов и слушателей, но после русско-японской войны «руководство Военного министерства приняло решение о создании специального ориенталистского отделения при начальнике генерального штаба, а при штабах Приамурского, Иркутского, Омского и Туркестанского военных округов – разведовательных отделений. Они должны были следить за военной прессой и всеми военными новшествами соседей»[62]. В 1910 г. при штабе Приамурского военного округа (фактически при ВИ во Владивостоке) была создана Окружная подготовительная школа переводчиков восточных

языков, и фамилия К.А.Харнского фигурирует в списке офицеров, окончивших курс японского отделения этой школы в мае 1914 г.[63]

Одной из основных задач Окружной подготовительной школы переводчиков была подготовка офицеров-ориенталистов для нужд армии[64], и значительная часть выпускников этой школы «направлялась в разведывательные и контразведывательные органы России»[65]. Не случайно и японские власти относились к командируемым в Японию студентам, преподавателям и слушателям ВИ с подозрением, а в японской прессе существовал стереотип русского шпиона, который ежедневно занимается тем, что штудирует японские газеты, выискивая в них военные секреты[66].

Таким образом, К.А.Харнский не случайно называл себя «газетчиком». И дело здесь не только в том, что на протяжении многих лет он активно занимался журналистской деятельностью в качестве публициста и политического обозревателя. Анализ газетных публикаций мировой прессы был для него средством сбора оперативной информации для изучения военно-политической, экономической, правовой, культурной и т.д. ситуации в сопредельных с Россией (ДВР, СССР) дальневосточных странах.

4. Язык и стиль публицистики К.А.Харнского

Язык публицистики К.А.Харнского – это, как правило, – язык яркий, точный и выразительный. Это язык идеологической борьбы. В публицистистике К.А.Харнского используются различные формы речевой экспрессии, синтаксические и риторические приемы: он активно применяет в своих текстах эмоционально-оценочную лексику, крылатые слова, метафорические выражения, параллелизм конструкций, антитезу и т.д.

Излюбленными приемами публицистики К.А.Харнского являются историческая параллель, исторический экскурс, сравнение, аналогия. Анализируя проблемы текущей политики, К.А.Харнский мгновенно схватывает тенденцию развития событий, их логику в русле мирового исторического процесса. Широкий кругозор позволяет ему провести красноречивые параллели из истории разных стран и народов, в приведенной ниже цитате – Китая и Англии: «В то время, как в Англии, например, цехи, гильдии и муниципалитеты пользовались борьбой королей с феодалами, чтобы то от тех, то от других получать закрепленные юридически привилегии, права и вольности, в Китае ... цехи и гильдии возникли ... явочным порядком, явочным порядком же и существовали и, поскольку на их существование не покушались, продолжали существовать, не испытывая нужды в легализации»[67].

Как для человека военного, для К.А.Харнского естественны параллели географические, например: 1) «три города близнеца ... – Ханькоу, Учан и Ханьян (в сущности, они представляют собой три части одного города) являются тем же, чем Москва по отношению к европейской части на-

шего Союза»[68]; 2) «Население Хунани примерно такое же, как в Польше, или в Испании вместе с Португалией»[69].

Чтобы помочь читателю понять суть происходящего К.А.Харнский нередко обращается к историческому экскурсу. Например, рассуждая по поводу т.н. «азиатского варварства» и «империалистического объяснения отсталости Китая», Харнский пишет: «Всякому, кто хоть немного знаком с историей, хорошо известно, что 700-800 лет тому назад китайцы стояли по своему культурному развитию несравненно выше тогдашней Европы. Что же – изменились с тех пор свойства белых и желтых, или, может быть, тогда китайцы были белыми, а европейцы желтыми?»[70].

Поскольку в читательской аудитории К.А.Харнского было немного людей, подготовленных к восприятию реалий дальневосточных стран, для облегчения понимания читателями описываемых событий он широко использует метод аналогии. Так, например, корейскую политику правительства Вакацуки К.А.Харнский называет «худшим переизданием царской политики в Польше»[71], а дискриминацию корейцев в Японии описывает как «еврейское положение корейцев»[72]. Некоторые понятия чужой культуры он передает при помощи других расхожих понятий современной ему эпохи. Примеры: 1) «...в Японии создается ... партия социал-соглашателей, которая стала уже магнитом для многих японских Керенских...»[73]; 2) «Можно ли рассматривать Кенсейкай как японских «кадетов»? На это можно ответить и да, и нет. Дело в том, что Кэнсенкай далеко позади наших милюковцев в области программотворчества...»[74]. В других контекстах иностранные слова, обозначающие реалии, непосредственно вводятся в текст, например: 1) «Если оказавшейся в относительном большинстве партии Кенсейкай удастся прочно объединить вокруг себя всю оппозицию, т.-е. 100 сейюкайцев, какусинцев и часть беспартийных...»[75]; 2) «А Япония микадо и генро – это государство ...»[76].

К.А.Харнский оживляет свои тексты использованием экспрессивной разговорной лексики: 1) «В его лице империализм разгуливает без трусиков, открыто и саморекламно: любуйтесь, мол, мною! Вот я какой!»[77]; 2) «Вечер устраивался с целью привлечения тех, кто нес деньги, т.-е. для убежденных фокстротчиков, тацульщиков – завсегдатаев, любителей галстуков бабочкой и т.д.»[78]. Он умело использует метафору, например: 1) «Закон о всеобщем избирательном праве – сладкая пилюля, при проведении законопроекта против «опасных мыслей»»... «Именно горькой пилюлей был этот знаменитый законопроект для японского народа в целом»[79]; 2) «Язык иероглифов ... это беззвучное эсперанто одной трети человечества...»[80]; 3) «Лицемерно-миссонерские маски сброшены. Волк выступает без «овечьей шкуры»»[81] (Речь идет о китайской политике США – А.Д.). Играет с крылатыми фразами европейской риторики, например: «Премьер умер. Да здравствует премьер»[82]; «Впрочем, «все к лучшему в этом лучшем из миров»[83]. Развернутые крылатые фразы нередко встречаются в названиях статей, например: 1) ««Быть или не быть» японского кабине-

та»[84]; 2) «Китайский виноград и японская лисица»[85].

К.А.Харнский активно использует в своих публикациях такой прием экспрессивного синтаксиса, как параллелизм конструкций, например: «Кабинет Като был определенно креатурой (созданием) монополистов. Он был проводником изношенных и развенчаных принципов либерализма. Он был тараном, ударившим по пролетариату»[86]. В качестве средства повышения речевой выразительности используются интеграция и парцелляция предложений, например: 1) «Жульничество с примесью политики и политика с примесью неизменного жульничества, устраивание личных делишек под флагом партийных принципов и вечные склоки, свалка и взаимное разоблачение – всем этим полна история Южно-Маньчжурской железной дороги до краев»[87]; 2) «Бегство – это было единственное, что им оставалось – бегство туда, где они надеялись найти... покорных судомоек, поваров и других слуг»[88].

Даже в строгом научном отчете ДВ филиала АН СССР доклад К.А.Харнского выделяется среди строгих и лаконичных документов прочих работников Академии публицистическими приемами речевой выразительности. Ниже мы приводим небольшой фрагмент из отчета К.А.Харнского, посвященного 5-летию Китайской Академии Наук и относящегося к 1932 г.

«Широкий кругозор, научная постановка вопросов сказываются и в работах других институтов Академии наук Китая. Это работы людей большой страны и в сущности целого материка (конечно, в переносном смысле), где масштабы огромны, где величайшие порты в мире и самые низкие аллювиальные равнины, где колоссальные наводнения и самые страшные песчаные пустыни, почти не знающие влаги, где девственные леса и обширные сухие степи, где огромное разноязычие и разноплеменность, у которой в прошлом необычайная пестрота международных связей, чередование застоя и прогресса, замкнутости и далекой морской торговли, простерающейся до берегов Африки»[89].

Приемы речевой экспрессии, характерные для публицистического стиля, широко используются К.А.Харнским и в монографии «Япония в прошлом и настоящем» [90], например: «...при наличии того цинично-наглого плутократического режима, какой существует в Японии... Японскому трудящемуся – все наше сочувствие. Ибо его враги – наши враги», – пишет К.А.Харнский во введения и заканчивает его следующим пассажем: «...нанешний режим в Японии, если и сменится когда-нибудь подобием нашей керенщины, то не на долго. Сейчас в Японии диктаторствует коалиция золотых мешков с железным кулаком. Ее может сменить иная диктатура. Режим жестов и жалких слов в наши времена надолго не прививается»[91].

Лексика и грамматика становятся средством выражения нравственных оценок и гражданской позиции автора, обычно не акцентируемых в научном стиле речи, например: 1) «...мы считаем себя вправе говорить так неуважительно о всех этих Кенсейкаях, Сеюкаях и проч. беспринципных

и беспрограммных скопищах дельцов от политики»[92]; 2) «Япония ... превращается в одного из сильнейших империалистических хищников»[93]; 3) «Вмешательство Запада сыграло роль кесарева сечения, и новая Япония оказалась недоноском»[94]; 4) «Ито был заядлейшим из бюрократов. Партия Итагаки была заядлейшей противницей бюрократии»[95]. В разделе «Типы японских плутократов»[96] фигурируют «дельцы-сановники», «выскочки и спекулянты», «отравители и развратители». Правящий класс Японии в указанной монографии метафорически обозначается как «аристократическая свора», «придворные паразиты»[97], а построенная на конфуцианских догматах и закрепощавшая человека этическая система эпохи Токугава – как «реакционная мерзость»[98].

Не случайно в рецензии Н.И.Конрада на утраченную работу К.Харнского «История Кореи» говорится: «Изложение новейшей истории основано на массе привлеченных материалов и ценно своей документальностью, хотя и носит местами несколько излишне подчеркнутый публицистический характер»[99].

Образность речи, выработанная потребностями публицистического стиля, проявляется и в географическом очерке Японии: «Если изображение на карте Италии напоминает сапог, а Европа в целом даму, то очертание Японии, при наличии некоторой фантазии, можно подогнать под изображение поднявшего хвост древнего ящера, ихтиозавра» – пишет К.А.Харнский[100]. И далее: «Хиросима и Куре находятся близ зуба верхней челюсти»[101].

Таким образом, мастерское владение К.А.Харнским выразительными средствами публицистического стиля речи, несомненно, является одним из его достоинств. Оно проявилось и в его монографии о Японии. Публицистичность стиля К.А.Харнского соответствовала пафосу массовой коммуникации революционной эпохи и, подобно приемам научно-популярной речи в наши дни, облегчала читателю восприятие текста книги. Публицистическая яркость и выразительность речи, идейная убежденность и идеологическая бескомпромиссность, вероятно, сослужили Константину Андреевичу добрую службу и в его лекционной работе, в отношении которой сохранились слова благодарности от его бывших студентов[102].

Заключение

К.А.Харнский принадлежит к числу выдающихся российских востоковедов первой трети XX столетия. Большую часть своей жизни он неустанно работает с прессой. Благодаря ВИ периодическая печать становится для Константина Андреевича важным средством получения новейшей информации о странах Дальнего Востока, Тихоокеанского бассейна, о ведущих мировых державах и их политике. В годы революции и гражданской войны К.А.Харнский начинает активно заниматься журналистикой. Он становится активным большевистским политическим пропагандистом, перо которого впору «приравнять к штыку» (В.Маяковский). К.А.Харнский разоблачает политику

империалистических держав на Дальнем Востоке, ведет и просветительскую работу, рассказывая своим слушателям и читателям о ситуации в Японии, Китае и Корее. С годами К.А.Харнский становится профессиональным журналистом, виртуозно владеющим публицистическим стилем и живо откликающимся на актуальные темы международной жизни и советского общества.

Постепенно освобождаясь от революционного романтизма, К.А.Харнский все более развивает в себе качества ученого-аналитика, но и последние его газетные статьи, появившиеся в «Красном Знамени» в 1930-ом г. – «Лицо японского реформизма»[103], «Гиганты японского капитализма»[104], «Японские крестоносцы»[105] – являют собой образцы острой и выразительной публицистики. Привычная для Константина Андреевича публицистическая манера изложения проявилась и в его книгах о Японии, Китае и Корее, написанных во второй половине 1920-х гг. Во всех своих публикациях К.А.Харнский неизменно высокоидеен, выдержан идеологически и верен своим политическим идеалам.

Драма проигранного Россией XX века состоит в том, что в результате сталинского террора люди, подобные К.А.Харнскому – обладавшие высокой нравственностью, широкой образованностью, наблюдательностью и уникальными навыками анализа мировой политики и устремлений основных игроков на «глобальной шахматной доске» (З.Бжезинский), были не только лишены общественной трибуны, но и уничтожены.

---

1 Серов, В.М. Китай и Япония в публицистике К.А.Харнского // Историография и источниковедение стран Дальнего Востока. Сер. востоковедение, вып. 2. Межвузовский тематический сборник. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1979. С. 6.

2 Там же, с. 8.

3 Там же, с. 20.

4 Там же.

5 Там же, с. 27.

6 Там же, с. 28.

7 Серов, В.М. Список разысканных статей К.А.Харнского // Историография и источниковедение стран Дальнего Востока. Сер. востоковедение, вып. 2. Межвузовский тематический сборник. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1979. С. 112.

8 Здесь мы основываемся на данных Государственного архива Приморского края (Ф. 1628. О. 1.), при необходимости дополняя эти сведения информацией из других источников.

9 Серов, В.М. Китай и Япония в публицистике К.А.Харнского // Историография и источниковедение стран Дальнего Востока. Сер. востоковедение, вып. 2. Межвузовский тематический

сборник. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1979. С. 6.

10 Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). Электронный ресурс: http://memory.pvost.org/pages/harnskij.html

11 http://libri-rf.livejournal.com/43202.html

12 Серов, В.М. Китай и Япония в публицистике К.А.Харнского // Историография и источниковедение стран Дальнего Востока. Сер. востоковедение, вып. 2. Межвузовский тематический сборник. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1979. С. 6.

13 http://libri-rf.livejournal.com/43202.html

14 Серов, В.М. Китай и Япония в публицистике К.А.Харнского // Историография и источниковедение стран Дальнего Востока. Сер. востоковедение, вып. 2. Межвузовский тематический сборник. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1979. С. 6.

15 Документы совещания отделов Японии и Китая Института народов Азии и Африки академии наук СССР от 8 июня 1964 г., посвященные 80-летию со дня рождения К.А.Харнского (Государственный архив Приморского края. Ф. 1628. О. 1. Д. 2. Л. 3).

16 Бондаренко, Е.Ю. К.А.Харнский: грани судьбы // Проблемы ДВ. 1994, № 1. С. 117.

17 Там же.

18 Донской, В.К. Разгром восточного факультета ДВГУ // История. Археология. Вестник ДВО РАН. 1996. № 1. С. 100.

19 Документы совещания отделов Японии и Китая Института народов Азии и Африки академии наук СССР от 8 июня 1964 г., посвященные 80-летию со дня рождения К.А.Харнского (Государственный архив Приморского края. Ф. 1628. О. 1. Д. 2).

20 http://libri-rf.livejournal.com/43202.html

21 Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). Электронный ресурс: http://memory.pvost.org/pages/harnskij.html

22 Подпалова, Г.И. Константин Андреевич Харнский (1884-1943) // Народы Азии и Африки. 1986, № 3. С. 83.

23 Донской, В.К. Указ. соч. С. 100.

24 Там же.

25 Там же.

26 Ермакова, Э.В. Трагедия преподавателей-японистов Дальневосточного университета в 30-е гг. XX века // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России. Сборник статей и библиография. Составитель А.С.Дыбовский. Осака, 2009. С. 121.

27 Поробнее см., например: Донской, В.К. Разгром восточного факультета ДВГУ // История. Археология. Вестник ДВО РАН. 1996. № 1. С. 95-108; Хисамутдинов, Амир. Репрессированные

востоковеды. Конец владивостокской школы японоведения: Протокол допроса Н.П.Овидиева // Facta Slavika Iaponica. The Slavic Research Centre, Hokkaido University. – 1998. Vol. 16. Pp. 207-231; Ермакова, Э.В. Трагедия преподавателей-японистов Дальневосточного университета в 30-е гг. XX века // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России. Сборник статей и библиография. Составитель А.С.Дыбовский. Осака, 2009. С. 115-126.

28 Ермакова, Э.В. , Георгиевская, Е.А. Востоный факультет в 20-30 годы // Известия Восточного института Дальневосточного гос. ун-та. № 1. Владивосток, 1994. С. 62.

29 http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Публицистика/

30 Государственный архив Приморского края. Ф. 1628. О. 1.

31 Харнский, К.А. Экономическая жизнь Японии. «Красное Знамя». 1925, 15 сент.

32 Харнский, К.А. По стопам реакции. «Дальневосточное обозрение». 1920, 9 март.

33 Харнский, К.А. Вокруг Ханькоу. «Красное Знамя». 1926, 7 сент.

34 Харнский, К.А. Колониальный рекорд. «Красное Знамя». 1926, 6 февр.

35 Харнский, К.А. Союз жандармов. «Красное Знамя». 1923, 18 апр.

36 Харнский, К.А. Мистер Джильберт, журналист. «Красное Знамя». 1926, 19 июн.

37 «Красное Знамя». 1924, 20 мая.

38 «Красное Знамя». 1924, 25 сент.

39 См., например, Розов, Н. Встреча красного вождя. «Красное Знамя». 1922, 18 окт.

40 Подпалова, Г.И. Константин Андреевич Харнский (1884-1943) // Народы Азии и Африки. 1986, № 3. С. 84.

41 Там же. С. 86.

42 Аналогичную оценку «Истории Китая с древнейших времен до наших дней» дает В.Н.Никифоров (Государственный архив Приморского края. Ф. 1628. О. 1. Д. 2. Л. 24).

43 Харнский, К.А. Полукультура и природа (К вопросу о лесе). «Красное Знамя» 1924, 16 мая.

44 Там же.

45 «Красное Знамя». 1928, 28 февр.

46 Харнский, К.А. О танцульках и катехизисе. «Красное Знамя». 1928, 28 февр.

47 Харнский, К.А. К воззванию Коминтерна. «Красное Знамя». 1924, 13 мая.

48 Харнский, К.А. За что борется китайский пролетариат. «Красное Знамя». 1927, 11 февр.

49 Серов, В.М. Китай и Япония в публицистике К.А.Харнского // Историография и источниковедение стран Дальнего Востока. Сер. востоковедение, вып. 2. Межвузовский тематический сборник. Владивосток: Изд-во ДВГУ. С. 7.

50 Там же. С. 28.

51 Харнский, К.А. Обзор политической и экономической жизни Китая // Народы Дальнего Вос-

тока. 1921. № 2. С. 155-156.

52 Харнский, К.А. Борьба партий в Японии и китайская политика. «Красное Знамя». 1927, 17 февр.

53 Харнский, К.А. Японские крестоносцы. «Красное Знамя». 1930, 4 март.

54 Харнский, К.А. Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1926. С. 25.

55 Там же. С. 3.

56 Там же. С. 4.

57 См., например: Дыбовский, А.С. Образ автора в книге Е.Г.Спальвина «Япония: взгляд со стороны (Токио, 1931) // Первый профессиональный японовед России. Владивосток, 2007. С. 74-99.

58 И.А.Гончаров. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. Том второй // И.А.Гончаров. Собрание сочинений. Т. 3. М.: «Художественная литература». С. 13.

59 Там же. С. 14.

60 Троицкий, Н. «Портрет» японского премьер-министра Ё. Нода в передаче «48 минут». Радиостанция «Эхо Москвы», 15 сент. 2011 г.

61 Подробнее см.: Дыбовский, А.С. К характеристике обучающей системы Восточного института (1899-1920) и преподавания японского языка в нем // Первый профессиональный японовед России. Владивосток, 2007. С. 131-185.

62 Буяков, А.М. Подготовка офицеров в Восточном институте // Известия Восточного института Дальневосточного гос. ун-та. 1994. № 1. С. 67.

63 Буяков, А.М. Подготовка офицеров-японоведов в Восточном институте 1899-1914 годах // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России. Сборник статей и библиография. Составитель А.С.Дыбовский. Осака, 2009. С. 64.

64 Подробнее см.: Буяков, А.М. Подготовка офицеров-японоведов в Восточном институте 1899-1914 годах // Пути развития японоведения на Дальнем Востоке России. Сборник статей и библиография. Составитель А.С.Дыбовский. Осака, 2009. С. 51-66.

65 Буяков, А.М. Подготовка офицеров в Восточном институте // Известия Восточного института Дальневосточного гос. ун-та. 1994. № 1. С. 69.

66 См., например, Фудзимото, В. Спальвин в Японии: пребывание в городе Киото накануне и сразу после русско-японской войны // Первый профессиональный японовед России. Владивосток, 2007. С. 36-51.

67 Харнский, К.А. Тайные общества в Китае. «Красное Знамя». 1927, 30 янв.

68 Харнский, К.А. Борьба за центральный Китай. «Красное Знамя». 1925, 1 июн.

69 Там же.

70 Харнский, К.А. Этапы порабощения Китая. «Красное Знамя». 1927, 4 февр.

71 Харнский, К.А. Колониальный рекорд. «Красное Знамя». 1926, 6 февр.

72 Там же.

73 Харнский, К.А. Финал либеральной потуги. «Красное Знамя». 1925, 7 мая.

74 Харнский, К.А. Победа Кенсейкай. «Красное Знамя». 1924, 14 июн.

75 Харнский, К.А. Поражение правительственной партии на выборах в Японии. «Красное Знамя». 1924, 18 мая.

76 Харнский, К.А. К воззванию Коминтерна. «Красное Знамя». 1924, 13 май.

77 Харнский, К.А. Мистер Джильберт, журналист. «Красное Знамя». 1926, 19 июн.

78 Харнский, К.А. О танцульках и катехизисе. «Красное Знамя». 1928, 28 февр.

79 Харнский, К.А. Программа Вакацуки. «Красное Знамя». 1926, 5 февр.

80 Харнский, К.А. Иероглифы. «Красное Знамя». 1928, 14 янв.

81 Харнский, К.А. В оголении. «Красное Знамя». 1924, 10 сент.

82 Харнский, К.А. Быть или не быть японского кабинета. «Красное Знамя». 1926, 16 июн.

83 Харнский, К.А. Колониальный рекорд. «Красное Знамя». 1926, 6 февр.

84 «Красное Знамя». 1926, 15 июн.

85 «Красное Знамя». 1923, 15 авг.

86 Харнский, К.А. Роль Като в политической жизни Японии. «Красное Знамя». 1926, 2 февр.

87 Харнский, К.А. Новый крупный скандал в Японии. «Красное Знамя». 1924, 25 сент.

88 Харнский, К.А. Христианские мученики. «Красное Знамя». 1924, 20 мая

89 Харнский, К.А. Academia Sinica / Научная хроника Дальнего Востока // Вестник ДВ филиала Академии наук СССР. № 3-4. Вдадивосток, 1932. С. 81.

90 Харнский, К.А. Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1926. С. 9.

91 Там же. С. 13.

92 Там же. С. 12.

93 Там же. С. 56

94 Там же. С. 156-157.

95 Там же. С. 196.

96 Там же. С. 265-287.

97 Там же. С. 91.

98 Там же. С. 150.

99 Цит. по: Дальневосточный государственный университет / История и современность 1899-1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 135.

100 Харнский, К.А. Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1926. С. 25.

101 Там же. С. 28.

102 Государственный архив Приморского края. Ф. 1628. О. 1. Д. 2. Лл. 9, 18.

103 «Красное Знамя». 1930, 27 февр.

104 «Красное Знамя». 1930, 3 март.

105 «Красное Знамя». 1930, 4 март.